

О.В. Раевская
(Москва)

ДАННЫЕ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Когнитивная доминанта в современных лингвистических исследованиях означает не только соответствующий взгляд на язык как «источник сведений о концептуальных или когнитивных структурах нашего сознания или интеллекта» [Кубрякова 1997: 38, Краткий словарь 1996: 53]. Решение многих актуальных проблем когнитивной лингвистики предполагает обращение к такому материалу, который наилучшим образом позволяет дать ответы на поставленные вопросы.

Таким материалом, несомненно, являются данные, полученные в результате ассоциативных экспериментов. Без этих данных практически невозможно решение одного из важнейших вопросов когнитивной лингвистики – вопроса об устройстве внутреннего лексикона. Хотя ассоциативный эксперимент разрабатывался и проводился первоначально в психиатрических целях (лексические ассоциации здоровых людей, или ассоциативные нормы использовались для установления психических отклонений), сегодня становится очевидным, что его главной целью может быть выявление принципов организации внутреннего лексикона, т.е. того, как устроен словарь в голове человека, как слова «на самом деле», т.е. у нас в голове, связаны между собой. Экспериментальные данные обеспечивают достоверность (психическую реальность) теоретических построений в этой области.

Результаты экспериментов, проводимых сначала психологами, а потом лингвистами, позволили последним прийти к важному выводу о том, что «признанным способом субъективного, интериоризованного существования

лексики» [Караулов 1993: 7] является ассоциативно-вербальная сеть. Это важнейшее обстоятельство отражено и в специальных работах, посвященных внутреннему лексикону. Так, Е.С. Кубрякова определяет его как «совокупность вербальных сетей» [Человеческий фактор... 1991: 91].

На сегодняшний день в распоряжении лингвистов есть данные, обобщающие результаты ассоциативных экспериментов в виде специальных словарей, одним из последних примеров которых является «Русский ассоциативный словарь» [Русский ассоциативный словарь 1994]. Однако, во-первых, таких словарей (и соответствующего масштаба данных ассоциативных экспериментов на материале разных языков) очень немного, а во-вторых, материал существующих ассоциативных словарей, к сожалению, по большей части остается вне поля зрения лингвистов-когнитологов. Между тем трудно переоценить всю важность для когнитивных исследований той информации, которая содержится в данных ассоциативных экспериментов.

Из этого следует, что перед когнитивной лингвистикой стоят, среди прочих, и следующие две задачи. Первая – практическая: подготовка и проведение широкомасштабных (в плане охвата языков, с одной стороны, и привлечения большого числа участников – с другой) ассоциативных экспериментов. Вторая – теоретическая: всесторонний анализ того материала, который представлен имеющимися ассоциативными словарями, в свете исходных положений и задач когнитивной лингвистики.

Решая вторую задачу, предстоит прежде всего сделать важный шаг вперед, оттолкнувшись от процитированного определения внутреннего лексикона как совокупности вербальных сетей. Если исходить из того, что эти сети пересекаются «в топологическом пространстве мозга по разным линиям, направлениям, основаниям» (Е.С. Кубрякова), то выявить, определить эти «линии, направления, основания» и означает установить основные структурные принципы организации внутреннего лексикона. Учитывая характер материала, актуальной задачей когнитивной лингвистики является *выделение и исчисление типов лексических ассоциаций*.

Сложность этой задачи ясна каждому, кто знаком с данными ассоциативных экспериментов. Ее адекватное решение обратно пропорционально многообразию лексических ассоциаций, в чем нетрудно убедиться, обратившись к ассоциативным словарям.

Восходящее к Н.В. Крушевскому [Крушевский 1983: 66] противопоставление парадигматических и синтагматических ассоциаций (*сыр – молоко, сыр – голландский*) – единственное общее место в работах, касающихся вопроса о классификации ассоциаций. Очевидно, однако, что далеко не все

типы ассоциаций могут быть сведены к этой оппозиции, лингвистической *par excellence*. В этой связи особо актуально стоит вопрос о разграничении лингвистических и экстралингвистических ассоциаций [Караулов 1993: 194]).

Как известно, в современной лингвистике ставится под сомнение релевантность противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания [Кибрик 1992: 20, Баранов 1997: 11]. В то же время это противопоставление кажется достаточно очевидным при сравнении следующих ассоциаций: *сыр – бор*, с одной стороны, и *сыр – мышь* – с другой. Можно, конечно, противопоставить первую ассоциацию (*сыр – бор*) второй (*сыр – мышь*) как синтагматическую ассоциацию парадигматической. Очевидно, однако, что эти (и им подобные) ассоциации противопоставлены по другому, не менее важному признаку, который, если и не укладывается в оппозицию «лингвистический – экстралингвистический», то требует адекватного осмысления в терминах современной когнитивной лингвистики.

1. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1996.
3. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.
4. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.
5. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов и др. Ч. 1. М., 1994.
6. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
7. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
8. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 1.